

УДК 94(470)+304–053.2(094)
DOI: 10.17223/19988613/65/15

А.П. Веселова

УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ДЕТСТВА И МАТЕРИНСТВА

Представлен анализ научного потенциала уголовных нормативных актов Российского государства досоветского периода как источника по истории детства и материнства. Последовательно рассматриваются положения уголовного законодательства, выступающие дополнением и верифицируемым доказательством современных концепций детства и материнства. Статья построена на обширном правовом материале XI – начала XX в., содержащем уголовные нормы, от Устава князя Ярослава о церковных судах до Уголовного уложения 1903 г.

Ключевые слова: история детства; история материнства; Филипп Арьес; концепции детства; источники по истории детства.

История детства и неразрывно связанная с ней история материнства как научные направления получили значительное развитие в современной России. О популярности данной тематики свидетельствуют не только разнообразие и количество научных изысканий, но и наличие постоянно действующих дискуссионных площадок, одноименных учебных дисциплин [1]. Эта история, несмотря на молодой возраст, имеет уже свою историографию.

На сегодняшний день явные предпочтения исследователей, изучающих историю детства, относятся к советскому периоду. Причины этого понятны. Материнство и детство, семейная история в целом, – имманентные составляющие истории повседневности. И чем дальше от нас во временном отношении повседневность, тем сложнее подвергать ее научному анализу.

Одной из серьезнейших проблем при изучении истории детства является отсутствие достаточной источниковой базы, позволяющей формулировать обоснованные выводы. По этой причине картины детства периода Киевской Руси, Московского государства и даже Российской империи (вплоть до XIX в.) в значительной степени построены на предположениях.

Уже в силу специфики своего предмета рассматриваемые научные направления заставляют исследователей ориентироваться на разнообразие источников. Как правило, каждый из них – это не зеркало, но всего лишь след, оставленный в истории сложными и удивительными феноменами детства и материнства.

Нормативные документы являются традиционным источником по истории семьи и семейного права, следовательно, отчасти истории детства. Однако в большинстве случаев речь идет об актах гражданского права, регулирующих вещные, обязательственные, наследственные отношения и применяемых для реконструкции личного и имущественного статуса женщины и ребенка.

Представляется, что уголовное законодательство и его положения также могут выступать глубоким и интересным источником по исследуемой теме, потенциал которого еще не исчерпан. Уголовные нормативные акты как ультраполитический источник не в состоянии

сформировать самостоятельные либо «сломать» действующие концепции в совершенно аполитичной истории материнства и детства, но они способны внести в них дополнительные оттенки, «раскрасить», стать их убедительным доказательством, при этом доказательством более верифицируемым, чем все остальные.

Как известно, уголовное законодательство Древнерусского государства берет свой отсчет с Русской Правды, являющейся в значительной степени сводом норм уголовного и уголовно-процессуального права. Однако вплоть до XVII в., до издания Соборного Уложения, уголовные нормы законодательных актов не содержали положений, касающихся анализируемого предмета.

Отсутствие статей, хоть каким-либо образом связанных с тематикой детства и материнства, в светских уголовных нормативных актах на первый взгляд должно объясняться тем, что все преступления против семьи и нравственности относились к компетенции церкви.

Уставы князей Владимира и Ярослава, определяющие церковную юрисдикцию средневековой Руси, традиционно не попадают в поле зрения исследователей, занимающихся историко-правовой проблематикой, именно в силу своего церковного характера. Однако следует учитывать, что уставы выступают результатом сложного взаимодействия светской власти и власти церковной. Они являются необходимой частью общей картины уголовного права Киевской Руси.

Я.Н. Щапов называл Устав Ярослава неперменным дополнением к Русской Правде [2. С. 180]. Эта позиция представляется убедительной. Устав Ярослава включил те общественные отношения, которые после определения княжеской юрисдикции традиционно продолжали регулироваться общиной либо не были урегулированы вовсе в силу языческих установок, а затем были восприняты церковью для правового воздействия. Сфера семейных отношений оказалась в их числе. Так, Устав определяет ответственность за совершение преступлений против семьи и нравственности: половых преступлений, против свободы, чести и достоинства женщин, прелюбодеяние, полигамию, кровосмешение и т.п.

При этом о защите жизни и здоровья детей в уставах не сказано ни слова. Тема детства и материнства затрагивается в них только в контексте наказания за внебрачные половые отношения и прелюбодеяние. Статьи 5, 6 Архетипа устава Ярослава предписывают «девку» или «женку», которая «детяти добудет», после обличения отправить в дом церковный [2. С. 294]. Вероятнее всего, под обличением в данном контексте подразумевается публичное объявление о содеянном.

Только одна из более поздних редакций Устава – Пространная редакция – содержит статью, вводящую ответственность за убийство ребенка. Источник перечисляет возможные способы совершения подобного убийства. В силу казуистического характера древних источников права вероятнее всего предположить, что перечисленные способы убийства младенцев являлись наиболее распространенными. Следует обратить внимание, что речь вновь идет о ребенке, ставшем результатом «блуда»:

«Тако же и женка без своего мужа или при мужи дитяти добудет, да погубит, или в свиньи ввержет, или утопит, обличивши, пояти [и] в дом церковный, а чим ю паки род окупит» [3. Ст. 6. С. 24].

То, что речь идет о незаконнорожденном ребенке, доказывает общая логика расположения статей в Пространной редакции, а также их сравнительный анализ с положениями Архетипа Устава Ярослава. В более ранних редакциях речь идет о рождении ребенка как доказательстве совершенного блуда или внебрачной половой связи, однако об убийстве ребенка не упоминается.

Таким образом, положения статей Устава Ярослава, точнее их отсутствие, позволяют предположить, что по крайней мере до времени создания его Пространной редакции (конец XII – начало XIII в.) необходимости вводить дополнительные нормы, направленные на защиту жизни ребенка, не существовало. Отсутствие уголовно-правовой охраны конкретных общественных отношений, во-первых, может быть объяснено отсутствием потенциального вреда. Иными словами, подобные преступления не совершались либо были редкостью в Древнерусском государстве. Однако тексты древнерусских епитимийников свидетельствуют об обратном [4. С. 93–94]. Во-вторых, отсутствие соответствующих статей может объясняться тем, что подобные деяния могли не считаться наказуемыми. Речь не идет о том, чтобы считать их вариантом нормы. Скорее, ни государство, ни церковь в этот период не обладали правом наказывать за совершение данных преступлений. Вероятно, они оставались внутренним делом общины (семьи).

При рассмотрении обозначенных статей возникает устойчивое впечатление, что законодателя в большей степени заботит введение санкций за совершение «блуда». Содержание ст. 6 Пространной редакции и ее отсутствие в полном объеме в Архетипе Устава Ярослава, свидетельствует о том, что наказанию в данном случае подлежит не убийство ребенка как самостоятельное деяние, но, скорее, сам факт прелюбодеяния и убийство рожденного ребенка как доказательство этого факта.

Л.Н. Пушкарева отмечает, что по сравнению с положениями Устава князя Ярослава приходские священники на практике смягчали наказания для женщин-детоубийц, «ориентируясь на конкретную ситуацию и побудительные мотивы» [5. С. 89]. Исследователь добавляет, что в ранних памятниках покаянного права XII в. для женщин, убивших своих детей, предполагалось более мягкое наказание – епитимья.

Возможно, подобные расхождения с текстом Устава Ярослава могут быть объяснены не смягчением наказания в «пастырской практике», о котором пишет Л.Н. Пушкарева, а тем, что в первом случае речь идет о законнорожденных детях, а в Уставе Ярослава – о рожденных в результате «блуда».

В контексте этой логики становятся понятными статьи Соборного Уложения, предусматривающие несопоставимые наказания за убийство законнорожденного и незаконнорожденного ребенка. Статья 26 XXII главы Уложения предполагает наказание в виде смертной казни для женщины, погубившей своих детей, прижитых «в блуде» [6. С. 434]. Однако наказанием для родителя-детоубийцы (матери или отца) в иной ситуации являлись год (!) тюремного заключения и церковное покаяние [Там же. Ст. 3. Гл. XXII. С. 430]. По-видимому, столь существенная разница объясняется тем, что «блудное» поведение являлось ключевым в квалификации преступления, своего рода серьезным отягчающим обстоятельством.

Содержание ст. 26 XXII главы Уложения также позволяет проследить мотивацию законодателя, вводящего смертную казнь за убийство незаконнорожденного ребенка: «...чтобы на то смотря, иные такова беззаконного и скверного дела не делали, и от блуда унялися» [Там же. С. 434]. То есть, в соответствии с текстом источника, применение самого строгого наказания в виде смертной казни обусловлено не стремлением покарать за убийство ребенка, но целью предупреждения распутного поведения женщин. Несмотря на то, что Устав Ярослава Пространной редакции и Соборное Уложение разделяют не менее четырех веков, логика законодателя в рассматриваемом отношении остается прежней.

С позиций настоящего времени и современного уголовного права, когда совершение преступления, направленного против ребенка, вызывает широкий общественный резонанс, однозначное моральное осуждение и само по себе является отягчающим обстоятельством, анализируемые положения как минимум вызывают недоумение.

Однако феодальное уголовное право существенно отличается от буржуазного. Его качественно иные характеристики сопряжены с патриархальным характером средневекового общества, в котором не только дети, но и женщины защищены гораздо в меньшей степени, чем мужчины. Так, законодательство Киевской Руси и Московского государства не предполагает уголовной ответственности за побои, нанесенные мужем своей жене (только чужой) [2. С. 295], устанавливает квалифицированную смертную казнь для мужеубийцы, не регламентируя женоубийство вообще [6. Ст. 14. Гл. XXII. С. 432], определяет наказания раз-

личной степени тяжести за полигамные связи для мужчин и женщин [2. С. 245, 295] и т.п. Материалы судебной практики также подтверждают, что в отличие от преступлений, совершенных женой в отношении своего мужа, аналогичные деяния мужчины против жены наказывались гораздо мягче либо не наказывались вообще [7. С. 84; 8. С. 586].

Уголовные нормы Российского государства вплоть до XVII в. демонстрируют то, что Филипп Арьес применительно к европейской истории охарактеризовал как позицию «безразличия» по отношению к детям. Это безразличие, включающее определенную терпимость детоубийства, с его точки зрения, вызвано сложными демографическими условиями и высокой детской смертностью [9. С. 49–50]. Неопределенность, с которой относились к жизни ребенка, способствовала тому, что детство не воспринималось как отдельный особенный этап человеческого существования. Вероятно, поэтому оно не нуждалось в отдельной уголовно-правовой защите.

Переломным моментом в развитии отношения к раннему детству, с точки зрения Ф. Арьеса, является XVII в. Выводы исследователя о появлении в XVII в. интереса к ребенку, нового восприятия детей, когда «за ними признается право быть чем-то особенным, право, в котором отказывали раньше» [Там же. С. 57], сделаны на европейском материале. Но они в значительной мере подтверждаются развитием уголовного законодательства российского государства.

Как уже было отмечено, некоторые положения Соборного Уложения, относящиеся к тематике детства, поддерживают логику предшествующих нормативных актов. Однако при этом Уложение содержит целый ряд норм, выражающих качественно иную позицию законодателя по отношению к детству и детскому возрасту. Так, Соборное Уложение является первым светским сводом законов Российского государства, защищающим жизнь еще не рожденного ребенка.

Уложение закрепило в уголовном законодательстве особенности исполнения смертного приговора в отношении беременных женщин, определив, что их следует казнить только после разрешения от бремени [6. С. 432]. Данная статья (ст. 15 гл. XXII Соборного Уложения) в краткой форме воспроизвела указ Михаила Федоровича 1637 г. В исследовательском смысле указ представляет большой интерес, так как не только регламентирует точные сроки казни («покамест родят и минет шест недель»), определяет дальнейшую судьбу ребенка («отдать ближнему»), но также объясняет позицию законодателя, вводящего отсрочку смертной казни, тем, что «роженое от нее не виновато» [10. С. 15]. Этот комментарий отражает принципиально важный момент: он олицетворяет восприятие жизни «потенциального» ребенка в качестве самостоятельной ценности. Еще не родившийся человек в контексте данной статьи закона является отдельным субъектом права, существование которого, как бы это парадоксально ни звучало, начинает интересовать законодателя.

Подтверждает и развивает эту позицию ст. 17 главы XXII Соборного Уложения, вводящая ответственность за действия, приведшие к рождению у беремен-

ной женщины мертвого ребенка: «А будет кто с похвалы, или с пьянства, или умыслом наскочет на лошади на чью жену, и лошадыю ея стопчет и повалит, и тем ея обесчестит, или ея тем боем изувечит, и беременная будет жена от того его бою дитя родит мертво, а сама будет жива, а с суда същется про то допряма, и тому, кто так учинит, за такое его дело учинити жестокое наказание, велеть его бити кнутом нещадно, да на нем же доправити той жене бесчестие и увечье вдвое, да его же вкинути в тюрьму на три месеца» [6. С. 134].

Еще одним проявлением новых тенденций является установление в уголовном законодательстве XVII в. возраста, с которого наступает уголовная ответственность. Если Соборное Уложение не регулирует данный момент, то уже Новоуказные статьи, принятые в качестве дополнения к Уложению в 1669 г., содержат несколько соответствующих норм. Во-первых, Новоуказные статьи запрещают включать «в обыск» малолетних, т.е. допрашивать, верить их показаниям наряду со взрослыми людьми [11. Ст. 28. С. 408]. Во-вторых, они освобождают от уголовной ответственности за убийство, наравне с душевнобольными, «отроков» семи лет: «аще седми лет отрок, или бесный убьет кого, не повинен есть смерти» [Там же. Ст. 79. С. 423].

«Не повинен», – вслед за Градским законом повторяют Новоуказные статьи. Это выражение, а также само его расположение в тексте – включение в статью, описывающую убийство, совершенное с умыслом, показывают, что законодатель отрицает наличие у детей способности отдавать отчет в своих действиях. Таким образом, дети семилетнего и более младшего возраста, так же как психически больные люди, признаются лицами, не способными осознавать действительный смысл своих поступков, а значит, не способными нести ответственность.

С.О. Шаляпин считает, что, поскольку византийские сборники церковного и светского права были известны в средневековой Руси, «можно говорить о фактическом соблюдении 7-летнего возраста уголовной вменяемости в России задолго до его формального закрепления в Новоуказных статьях 1669 г.» [12. С. 20]. Замечание автора справедливо. Однако при этом следует учитывать, что вопрос о распространении Закона градского по территории и по направлениям юрисдикции (светской и церковной) в полном объеме и в отдельных частях (в том числе титулов, содержащих нормы уголовного права), является до конца не решенным [13].

Так или иначе, в настоящей ситуации гораздо более важным представляется не факт об известности и даже применении указанных положений, но само по себе решение законодателя, выбирающего статьи церковно-правовых сборников для общегосударственного свода законов, а также то, каким образом эти статьи интерпретируются и получают развитие в других нормах светского права.

Итак, уголовное законодательство Российского государства второй половины XVII в. содержит положения, демонстрирующие, с одной стороны, восприятие ребенка в качестве самостоятельного субъекта права, защиту жизни детей (в том числе нерожденных,

находящихся в утробе матери), с другой – понимание особенности, инаковости детского возраста, в котором человек еще не в состоянии осознавать действительный смысл происходящего. По сути, уголовные нормы выделяют детей (семи лет и младше) в отдельную категорию людей, к которым следует изначально относиться более мягко и снисходительно. Это вытекает из осознания самого факта, что они дети. Они заслуживают такого отношения уже только потому, что они дети.

Появление новых статей является результатом нескольких сложных процессов: во-первых, глубокой христианизации нравов общества, длившейся нескольких столетий; во-вторых, ограничения юрисдикции церкви, происходящего в рамках усиления государственного контроля над церковной организацией. В светское законодательство были включены религиозные преступления, а также преступления в сфере семьи и нравственности, традиционно составляющие церковную юрисдикцию.

В целом Соборное Уложение 1649 г. и дополняющие его акты можно считать той тонкой гранью, которая способна отразить неуловимые перемены в восприятии детства, происходившие в средневековом обществе, – концептуальный переход от позиции безразличия к позиции интереса. В уголовном законодательстве XVII в. сохраняют значение установки предыдущих столетий, но одновременно с ними появляются новые положения, олицетворяющие очевидные изменения, которые законодатель стремится закрепить.

В XVIII в. проявившиеся тенденции получили развитие в уголовном и уголовно-процессуальном праве. Так, Артикул воинский Петра I 1715 г., предусматривая смертную казнь за убийство, вводил квалифицированную смертную казнь в виде колесования за убийство отца, матери, офицера и «дитя во младенчестве» [14. Арт. 163. С. 359]. Если первые три категории вполне понятны (исторически преемственны либо продиктованы спецификой самого документа), то «дитя во младенчестве» является новеллой. В этом отношении уголовное законодательство Петра I ставило детей в один ряд с теми, чьи жизни традиционно защищались особым образом, а их убийства являлись не только деяниями, нарушающими закон, но и имели крайне негативный моральный окрас.

Артикул 176 устанавливал ответственность неженатого мужчины за связь с незамужней женщиной, в результате которой родился ребенок. В этом случае отец был обязан предоставить средства на содержание матери и младенца, соответствующие его имущественному положению, а также подвергнуться церковному покаянию и тюремному заключению [Там же. С. 362]. Закон предоставлял мужчине возможность избежать наказания, женившись на матери своего ребенка. Следует отметить, что именно рождение младенца порождало обязанность женитьбы либо уголовное наказание и необходимость материального обеспечения. Если следовать буквальному толкованию текста Артикула, само по себе половое сношение неженатого мужчины с незамужней женщиной не влекло за собой никаких юридических последствий. То есть все обязательства, возникающие у мужчины, были связаны не с самим

фактом сожителства, а с рождением ребенка. Его жизнь заботила законодателя, а не внебрачная связь сама по себе.

Краткое изображение процессов, или судебных тяжб, 1715 г. запрещало пытать не только детей, но и беременных женщин [15. Гл. VI. Ст. 10. С. 156]. При этом очевидно, что данная «привилегия» обусловлена не принадлежностью к женскому полу, но наличием потенциального ребенка. Всех остальных женщин, не находящихся в состоянии беременности, пытать разрешалось, и даже приветствовалось начинать пытку с них как с наиболее податливых свидетелей [Там же. Ст. 5. С. 596–597].

Несмотря на осознание особенности детства, несмотря на то, что жизнь ребенка становится объектом уголовно-правовой охраны законодателя, попадает в сферу его пристального внимания, власть родителей над детьми остается существенной. Нормативные акты это ярко подчеркивают.

Во второй половине XVIII в., в период правления Екатерины II, родители получили право помещать своих сыновей и дочерей в смиренные дома по причине непослушания, если «пребывают злого жития, или ни к чему доброму не склонны» [16. С. 274]. Для этого отцу или матери было достаточно обратиться в Приказ общественного призрения с прошением. Помещение в смиренный дом фактически являлось наказанием, предусматривающим лишение свободы и привлечение к труду.

Уголовное законодательство Российской империи XIX – начала XX в. демонстрирует не только усложнение тенденций, обозначившихся в XVII–XVIII вв., но и формирование принципиально новых позиций, свидетельствующих о концептуальной смене восприятия детства.

Большая часть изменений в статьях уголовных нормативных актов, затрагивающих тематику детства и материнства, связана с проявлением заботы не только о жизни, но и здоровье ребенка и его матери. В этом смысле Россия обнаруживает определенную преемственность по отношению к европейским странам, где в XVIII в. получает распространение «культ» физического здоровья [9. С. 142]. Он оказал значительное влияние на эволюцию отношения к детству. А.А. Ожиганова отмечает, что в этот период в Европе сформировалась педиатрия, начала свое распространение и реализацию концепция тотальной медиализации младенчества [17]. За счет успехов медицинской науки и практики изменилось отношение к грудному вскармливанию. Постепенно, в течение XVIII–XIX вв., оно получило признание в качестве единственно возможного правильного варианта питания младенцев [18. С. 18–19].

Удивительно, насколько точно положения источников права XIX – начала XX в. отражают передовые идеи, проникающие в российское общество. Лейтмотив сохранения здоровья детей и их матерей приобретает очевидный характер в уголовном законодательстве Российской империи. При этом если в первой половине XIX в. это проявляется в виде отдельных указов, ставших результатом рассмотрения конкрет-

ных уголовных дел, то во второй половине столетия и особенно на рубеже XIX–XX вв. новые нормы, направленные на защиту детства и материнства, получают закрепление и систематизацию на уровне кодифицированных актов.

В 1824 г. на рассмотрение Государственного Совета поступило обращение Комиссии составления законов, касающееся исполнения телесных наказаний в отношении женщин, «питающих грудью младенцев своих» [19. С. 68]. Законодатель, подчеркивая, что в «русских законах» отсутствуют постановления по данному поводу, акцентировал внимание на важности данного предмета, заслуживающего «особенного уважения». В соответствии с мнением Государственного Совета вводилась, по сути, отсрочка исполнения телесных наказаний для женщин, кормящих грудью младенца. Срок отсрочки был определен в полтора года. Для кормящих женщин, «находящихся в работах», также следовало предоставить облегченные условия, если, «по признанию лекаря», работа могла нанести вред их младенцам.

В рассмотренном документе отдельного внимания заслуживает аргументация законодателя, поясняющего нововведение негативными последствиями телесных наказаний, вызывающих порчу молока у кормящей матери, следовательно, способных создать угрозу здоровью и жизни младенца. Важным представляется также то, что срок отсрочки законодатель устанавливает, ориентируясь не на церковные тексты, как было ранее, но на медицинские «наблюдения», в соответствии с которыми срок грудного вскармливания должен быть от одного до полутора лет, «а при слабости... или болезни может продолжиться до двух лет».

В 1830 г. аналогичное положение вводилось в отношении беременных женщин. Разбирая донесения Костромского губернского правления, Сенат постановил не применять телесные наказания по отношению к беременным женщинам, «отлагать» их до разрешения от бремени и «миновании срока, положенного на воспитание грудью младенца», т.е. полутора лет [20. С. 215].

В 1837 г. в соответствии с мнением Государственного Совета было запрещено ссылать в Сибирь беременных женщин вплоть до их разрешения от бремени и окончания срока кормления грудью (полтора года) [21]. В 1853 г. данное правило было распространено на крепостных женщин, беременных или с грудными младенцами, которых отныне запрещалось отправлять в Сибирь по воле помещиков до истечения полуторогодовалого срока с момента рождения ребенка [22].

В соответствии с законодательством конца XIX – начала XX в. для женщин, находящихся в местах заключения совместно с грудными детьми, были рекомендованы отдельные от других заключенных помещения, «где бы они имели лучший воздух» [23. Ст. 182], более хорошую, по сравнению с другими заключенными, пищу [Там же. Ст. 213]. Справедливости ради необходимо отметить, что каждая описанная привилегия содержала неизменную приписку – «по возможности». Тюремная администрация должна была способствовать тому, чтобы женщины, имеющие грудных

младенцев, были задействованы в работах, которые не мешали бы им осуществлять надлежащее попечение о своих детях [Там же. С. 348].

Устав о ссыльных различных редакций XIX – начала XX в. специально регламентировал вопросы конвоирования женщин, имеющих грудных детей, а также малолетних детей, определяя, что их следует перевозить по пеше-этапным трактам на специально выделенных подводах [24. Ст. 42].

Следует обратить внимание, что в законодательстве второй половины XIX в. появляется забота не только о «питаемом младенце», но и о его матери, ее здоровье [24. Ст. 111; 25. Ст. 970. С. 283]. Женщинам, кормящим грудью, находящимся в местах заключения или в ссылке, работы следовало облегчить в той мере, чтобы не нанести вред самой матери и младенцу.

Уголовные нормативные акты XIX в. отражают новое понимание границ и этапов детского возраста. Именно в этот период в Российской империи формируются особенности уголовной ответственности несовершеннолетних.

В соответствии с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. малолетство и несовершеннолетие подсудимого признаются обстоятельствами, уменьшающими вину и строгость наказания. Дети старше семилетнего возраста и до достижения десяти лет не подлежат наказанию, но передаются родителям или благонадежным родственникам на строгое попечение и исправление, если «не имеют надлежащего о своих обязанностях разумения» [26. Ст. 143. С. 620]. Дети от 10 до 14 лет также могут быть освобождены от наказания, если будет установлено, что преступление совершено ими «без разумения» [Там же].

Необходимо отметить, что под разумением не имеется в виду умысел. Речь идет о том, что законодатель допускает, что дети в возрасте от 10 до 14 лет ввиду своего незрелого разума могут не понимать действительный смысл содеянного. Если обстоятельства это подтверждают, ребенок может быть освобожден от наказания.

В соответствии с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. наказания для лиц в возрасте от 10 до 14 лет должны быть смягчены [Там же. Ст. 144. С. 620–621]. Например, к ним запрещается применение телесных наказаний. Возраст в данном случае выступает в качестве обстоятельства, смягчающего вину.

Для несовершеннолетних в возрасте от 14 до 21 года закон также предусматривал некоторые изъятия [Там же. Ст. 146–148. С. 621]. По усмотрению суда при наличии определенных условий наказание для несовершеннолетних данной возрастной группы могло быть уменьшено одной или двумя степенями. Показательно, что одним из условий является доказанный факт вовлечения несовершеннолетнего в преступление совершеннолетним, т.е. ситуация, в которой молодой человек руководствовался как бы не своим, но чужим зрелым преступным разумом [Там же. Ст. 147. С. 621].

Уголовное законодательство второй половины XIX в. придерживается схожих позиций, предусматривая освобождение от уголовной ответственности или су-

пещественное смягчение наказаний для несовершеннолетних. При этом законодатель исходит из общего восприятия детей как особой возрастной группы людей, чей «разум» еще не сформирован, чье «разумение» в силу объективных причин отличается от взрослого понимания. Именно поэтому для «дозревания» разума закон предлагает домашнее исправительное наказание под контролем родителей или опекунов.

В соответствии с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. малолетство признается обстоятельством, исключаящим вину лица в содеянном, так как подсудимый не мог еще иметь понятия о свойстве деяния [27. Ст. 92. С. 60].

С точки зрения законодателя, дети, не достигшие семи лет, не подлежат наказаниям за преступления и проступки, так как они еще не имеют достаточного о своих деяниях понятия [Там же. Ст. 94. С. 62]. Они передаются родителям, опекунам или родственникам для вразумления и наставления их впоследствии. Наряду с малолетством причинами, по которым содеянное не вменяется в вину, являются безумие, ошибка и т.п. То есть малолетние освобождаются от наказания именно по причине непонимания, неосознавания своих действий.

Уголовные нормативные акты начала XX века при наличии аналогичных норм в отношении несовершеннолетних меняют устоявшиеся в предыдущем столетии возрастные границы. Прежде всего увеличивается возраст наступления уголовной ответственности. В соответствии со ст. 40 Уголовного уложения 1903 г. не вменяется в вину преступное деяние, учиненное малолетним, не достигшим десяти (не семи) лет [28. Ст. 40. С. 475]. То есть дети, которым не исполнилось десяти лет, не подвергаются судебному преследованию и определенному в законах наказанию. Согласно дополнениям 1912, 1913 и 1914 гг. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. лица от 10 до 17 лет (не 14), признанные судом учинившими преступления без разумения, отдаются под ответственный надзор по усмотрению суда, или их родителям, или лицам, на попечении которых они состоят, или другим благонадежным людям, изъявившим на то согласие [27. Ст. 137. С. 32].

Уголовное уложение Российской империи 1903 г. с изменениями 1912 и 1913 гг. в ст. 41 также устанавливает, что преступное деяние, учиненное несовершеннолетним от десяти до семнадцати лет, не вменяется ему в вину, если несовершеннолетний не мог понимать свойства и значение им совершаемого и руководить своими поступками [28. С. 475]. При общей схожести содержания, положения нового Уголовного уложения более развиты с юридической точки зрения и поэтому понятны с позиций современного уголовного права: непонимание истинного свойства и значения содеянного, невозможность полностью руководить своими поступками – вот что отличает ребенка от взрослого и, соответственно, влечет различную ответственность.

Указ о ссыльных в своеобразной форме также демонстрирует представления законодателя о периодах взросления человека. Он регламентирует особый по-

рядок обращения с детьми ссыльных различных возрастных групп. В соответствии с Указом дети старше 14 лет могут самостоятельно решать, следовать ли им за своими родителями в ссылку или нет. Вопрос о нахождении детей младше 14 лет решается супругами совместно; если договориться не удастся, ребенок остается с родителем, не приговоренным к ссылке. Грудные дети при любых обстоятельствах остаются при матерях. Дети, последовавшие за родителями, могли возвращаться из ссылки отдельно от них. Однако согласие родителей на возвращение детей не требовалось только в случае достижения ими 17 лет [24. Ст. 195, 196, 199].

Таким образом, в уголовном законодательстве Российской империи XIX – начала XX в. формируется своего рода периодизация детства, включающая следующие этапы: грудной возраст, когда ребенок непременно должен находиться с матерью, что, безусловно, защищает ее права тоже; малолетство (до семи, затем до 10 лет), когда ребенок не в состоянии осознать действительное значение своих поступков в силу незрелости разума, поэтому он освобождается от уголовной ответственности; несовершеннолетние от 10 до 14 (затем до 17) лет, у которых также еще могут не сформироваться правильные представления о смысле содеянного, что является основанием освобождения их от наказания; наконец, лица до 21 года, для которых установлена возможность смягчения наказаний. При этом очевидна постепенная инфантилизация, происходящая в российском обществе и наглядно отраженная в источниках.

Уголовные нормы источников права XI – начала XX в. демонстрируют последовательную трансформацию восприятия детства и материнства в дореволюционной России. Положения нормативных актов Киевской Руси и Московского государства вплоть до Соборного Уложения 1649 г. подтверждают концепцию безразличия, выраженную в уголовном праве в виде определенной терпимости по отношению к детоубийству. Жизнь ребенка в них получает уголовно-правовую защиту только в контексте наказания за «блуд». Своеобразным переломным этапом можно считать XVII в., когда при сохранении установок предшествующих эпох становятся очевидными новые взгляды, нашедшие отражение в уголовных нормах. Закон впервые защищает жизнь еще не рожденного ребенка, а также определяет возраст наступления уголовной ответственности, признавая малолетних детей не способными осознать действительный смысл своих поступков.

Идея своеобразия детской природы, обуславливающая необходимость особой охраны и заботы о ребенке, получает развитие в уголовных актах XVIII–XIX вв. В XVIII в. вводится запрет на применение пыток по отношению к детям и беременным женщинам, за убийство младенца устанавливается квалифицированная смертная казнь. Уголовное законодательство XIX в. демонстрирует заботу не только о жизни, но и о здоровье ребенка и его матери. При этом очевидно, что если первоначально состояние матери интересовало законодателя исключительно как условие

сохранения плода или младенца, то постепенно оно становится важным само по себе. Законодателя начинает волновать не только буквальное сохранение жизни ребенка, но и обеспечение ее определенного качества. Передовые идеи о «возвращении» детей, развившиеся и прижившиеся в российском обществе, в уголовных нормах воплотились в виде запретов применять телесные наказания к беременным женщинам и

женщинам, кормящим грудью, ограничений привлечения их к работам, а также в обеспечении улучшенных условий содержания в местах заключения. Уголовный закон XIX – начала XX в. отражает изменения в понимании границ детского возраста, отделяющих ребенка от взрослого человека, а также этапов детства (взросления), подчеркивающих особенности восприятия мира детства и его качественных отличий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ромашова М.В. Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события // Вестник Пермского университета. История. 2013. № 2 (22). С. 108–116.
2. Шапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М. : Наука, 1972. 340 с.
3. Наследие. Вып. 1: Религия – общество – государство: институты, процессы, мысль. Кн. 1: История государственно-конфессиональных отношений в России (X – начало XXI века) : хрестоматия в двух частях / сост. Ю.П. Зуев; под общ. ред. Ю.П. Зуева, В.В. Шмидта. М. : Изд-во РАГС ; МедиаПром, 2010. Ч. I: X – начало XX века. 392 с.
4. Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М. : Мысль, 1989. 286 с.
5. Пушкарева Н.Л. Женщина в русской семье X – начала XIX в.: динамика социокультурных изменений : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997. Т. I. 354 с.
6. Памятники русского права / под ред. К.А. Софроненко. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1957. Вып. 6: Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. 603 с.
7. Челобитье вдовы Федоры Желябужской об отпуске сына из под Смоленска для погребения дочери ея, убитой мужем // Акты Московского государства / под ред. Н.А. Попова. СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1890. Т. I: Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. С. 84.
8. Приговор Земского приказа. О наказании кнутом Ивашки Долгова за убийство жены своей, и об отпуске его на поруки // Полное собрание законов Российской империи. СПб. : Тип. II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. Т. I: С 1649 по 1675. От № 1 до 618. С. 586.
9. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / пер. с франц. Я.Ю. Старцева при участии В.А. Бабинцева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. 416 с.
10. Загоскин Н. Столы разрядного приказа, по хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции книгам их. Казань : Тип. Императорского ун-та, 1879. 47 с.
11. Памятники русского права / под ред. Л.В. Черепнина. М., 1963. Вып. 7: Памятники права периода создания абсолютной монархии. Вторая половина XVII в. 510 с.
12. Шалаяпин С.О. Установление возраста уголовного вменения в русском праве XVII–XIX вв. // История государства и права. 2005. № 3. С. 20–23.
13. Шапов Я.Н. Прохирон в восточнославянской письменности // Византийский временник. М. : Наука, 1977. Т. 38 (63). С. 48–58.
14. Памятники русского права / под ред. К.А. Софроненко. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1961. Вып. 8: Законодательные акты Петра I. 667 с.
15. Краткое изображение процессов или судебных тяжб // Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2008. С. 144–158.
16. Учреждение для управления губерний Всероссийской империи. 1775 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб. : Тип. II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. Т. XX. № 14392. Ст. 391.
17. Ожиганова А.А. Образы младенца в популярных пособиях для родителей (XVIII–XXI вв.) // Детство в научных, образовательных и художественных текстах. Казань : Казанский университет, 2011. С. 48–53.
18. Захарова И.Н., Мачнева Е.Б. История грудного вскармливания народов мира // Медицинский совет. 2016. № 16. С. 14–21.
19. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета – о времени исполнения приговоров Судебных мест относительно наказания женщин, питающих грудью младенцев // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб. : Тип. II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. Т. XXXIX: 1824. № 29.773. С. 68.
20. Сенатский указ о наказании беременных женщин не прежде как по разрешении от бремени и миновании срока положенного на воспитание грудью младенца // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб. : Тип. II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1831. Т. V: 1830. № 3535. С. 215–216.
21. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета о преступницах, ссылаемых в Сибирь, кои окажутся беременными или имеющими грудных младенцев // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб. : Тип. II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1838. Т. XII: 1837. № 10831. С. 1038–1039.
22. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета о ссылке, по воле помещиков, в Сибирь женщин беременных или с грудными младенцами // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб. : Тип. II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1854. Т. XXVIII: 1853. № 27602. С. 477–478.
23. Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей (издание 1890 г.) // Законодательство Российской империи. Т. 14.4. URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/vol.14/vol.14.4.htm>
24. Устав о ссыльных (издание 1909 г.) // Законодательство Российской империи. Т.14.4. URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/vol.14/vol.14.4.htm>
25. Устав уголовного судопроизводства 1864 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб. : Тип. II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1867. Т. XXXIX, отд. 2: 1864. С. 215–306.
26. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб. : Тип. II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1846. Т. XX: 1845. С. 598–1010.
27. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года // Свод законов Российской империи. Петроград, 1916. Т. 15, [ч]. 1: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 года, со включением статей по Продолжениям 1912, 1913 и 1914 годов; [ч]. 2: Уголовное уложение: (статьи, введенные в действие). Издание 1909 года, со включением статей по Продолжениям 1912 и 1913 годов. С. 1–458.
28. Уголовное уложение (статьи, введенные в действие) // Свод законов Российской империи. Петроград, 1916. Т. 15, [ч]. 1: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 года, со включением статей по Продолжениям 1912, 1913 и 1914 годов; [ч]. 2: Уголовное уложение: (статьи, введенные в действие). Издание 1909 года, со включением статей по Продолжениям 1912 и 1913 годов. С. 459–517.

Anna P. Veselova, Kuzbass Institute of the FPS of Russia (Novokuznetsk, Russia). E-mail: avspectr@mail.ru

THE CRIMINAL LAW OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA AS A SOURCE OF THE HISTORY OF CHILDHOOD AND MOTHERHOOD

Key words: history of childhood, history of motherhood, Philippe Aries, concepts of childhood, sources of the history of childhood.

The history of childhood and the history of motherhood are relatively young and increasingly popular scientific fields. In Russia, the traditional interest of researchers is concentrated on the Soviet period, which is easily explained by the diversity and availability of the source base. With regard to pre-revolutionary Russia, the problem of sources of the history of childhood and the closely related history of motherhood is fundamental.

Criminal law can become a promising source on the issues under consideration, a source that gradually reflects the attitude towards children and childhood in various historical periods of the Russian state. Through the regulation of crimes against life and health of children, the prosecution of pregnant women and nursing mothers, minors and juveniles, characteristics of sentence, criminal rules demonstrate consistent transformation of the perception of childhood and motherhood in the 11 – early 20 centuries in the Russian society.

The study is based on the legal material of the 11 – early 20 centuries, containing criminal norms, from the Statute of Prince Yaroslav to the Church courts to the Criminal code of 1903. Criminal acts are understood in the work in a broad sense, including criminal procedural and penal aspects. This is true of pre-Soviet law, in which the issue of differentiation of criminal law as a branch of law has not been fully resolved.

The criminal norms of the sources of law of Kievan Rus and the Moscow state confirm the concept of indifference of P. Aries, which is expressed in the form of a certain tolerance towards infanticide. Since the 17 century, the Cathedral code of 1649 and its additions, the changes in attitude to childhood have become evident. It is beginning to be perceived as different and in need of special respect and additional safeguard period. This trend is manifested in the protection of the life of the unborn child, in the refusal to interrogate children and pregnant women, in determining the age of criminal responsibility.

Criminal acts of the eighteenth century prohibited the use of torture against children and pregnant women and established the qualified death penalty for the murder of an infant. The legislator of the nineteenth century is not only interested in the preservation of the physical life of the child, but ensuring that it is of a certain quality. Care for the health of children and their mothers is expressed in criminal provisions in the form of prohibitions on corporal punishment of pregnant women and women breastfeeding, restrictions on their employment, as well as in the maintenance of improved conditions of detention. The criminal law of the Russian Empire of 19 – the beginning of 20 centuries reflects changes in understanding of borders of children's age and stages of maturation, testifying to consecutive infantilization of society.

REFERENCES

- Romashova, M.V. (2013) *Deti i fenomen detstva v otechestvennoy istorii: noveyshie issledovaniya, diskussionnye ploshchadki, sobytiya* [Children and the phenomenon of childhood in Russian history: the latest research, discussion platforms, events]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya – Vestnik of Perm University. History.* 2(22). pp. 108–116.
- Shchapov, Ya.N. (1972) *Knyazheskie ustavy i tserkov' v Drevney Rusi* [Princely charters and a church in Ancient Russia]. Moscow: Nauka.
- Zuev, Yu.P. & Shmidt, V.V. (eds) (2010) *Religiya – obshchestvo – gosudarstvo: instituty, protsessy, mysl'* [Religion – society – state: institutions, processes, thought]. Moscow: Izd-vo RAGS; MediaProm.
- Pushkareva, N.L. (1989) *Zhenshchiny Drevney Rusi* [Women of Ancient Russia]. Moscow: Mysl'.
- Pushkareva, N.L. (1997) *Zhenshchina v russkoy sem'e X – nachala XIX v.: dinamika sotsio-kul'turnykh izmeneniy* [A woman in a Russian family of the 10th – early 19th centuries: the dynamics of socio-cultural changes]. Vol. 1. History Dr. Diss. Moscow.
- Sofronenko, K.A. (ed.) (1957) *Pamyatniki russkogo prava* [Rarities of Russian Law]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury.
- Russia. (1890) *Chelobit'e vdovy Fedory Zhelyabuzhskoy ob otpuske syna iz pod Smolenska dlya pogrebeniya docheri eya, ubitoy muzhem* [The humble petition from the widow Fedora Zhelyabuzhskaya to release her son from near Smolensk for the burial of her daughter killed by her husband]. In: Popov, N.A. (ed.) *Akty Moskovskogo gosudarstva* [Acts of the Moscow State]. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. p. 84.
- Russia. (1830) *Prigovor Zemskogo prikaza. O nakazanii knutom Ivashki Dolgova za ubiystvo zheny svoey, i ob otpuske ego na poruki* [The verdict of the Zemsky Order. On whipping Ivashka Dolgov for the murder of his wife, and on his release on bail]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Vol. 1. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Chancery. p. 586.
- Aries, P. (1999) *Rebenok i semeynaya zhizn' pri Starom poryadke* [The Child and Family Life in the Ancien Régime]. Translated from French by Ya.Yu. Startsev. Ekaterinburg: Ural State University.
- Zagoskin, N. (1879) *Stoly razryadnogo prikaza, po khranyashchimsya v Moskovskom arkhive Ministerstva yustitsii knigam ikh* [Order-in-Charge Prikaz, according to their books stored in the Moscow Archive of the Ministry of Justice]. Kazan: Kazan Imperial University.
- Cherepnin, L.V. (ed.) (1963) *Pamyatniki russkogo prava* [Rarities of Russn Law]. Vol. 7. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury.
- Shalyapin, S.O. (2005) *Ustanovlenie vozrasta ugovnogo vmeneniya v russkom prave XVII-XIX vv.* [The age of criminal liability in the Russian law of the 17th –19th centuries]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law.* 3. pp. 20–23.
- Shchapov, Ya.N. (1977) *Prokhiron v vostochnoslavianskoy pis'mennosti* [The Procheiros nomos in the East Slavic script]. *Vizantiyskiy vremennik.* 38(63). pp. 48–58.
- Sofronenko, K.A. (ed.) (1961) *Pamyatniki russkogo prava* [Rarities of Russn Law]. Vol. 8. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury.
- Anon. (2008) *Katkoe izobrazhenie protsessov ili sudebnykh tyazhb* [Processes or litigation briefly]. In: Titov, Yu.P. (ed.) *Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava Rossii* [A Reader on the History of Russian State and Law]. Moscow: Prospekt. pp. 144–158.
- Russia. (1830) *Uchrezhdenie dlya upravleniya guberniy Vserossiyskoy imperii. 1775 g.* [The institution for the management of the provinces of the All-Russian Empire. 1775]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Vol. 20. № 14392. Art. 391. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Chancery.
- Ozhiganova, A.A. (2011) *Obrazy mladentsa v populyarnykh posobiyyakh dlya roditel'ey (XVIII – XXI vv.)* [Images of a baby in popular manuals for parents (the 18th – 21st centuries)]. In: *Detstvo v nauchnykh, obrazovatel'nykh i khudozhestvennykh tekstakh* [Childhood in scientific, educational and literary texts]. Kazan: Kazan State University. pp.48–53.
- Zakharova, I.N. & Machneva, E.B. (2016) *Breastfeeding history of the peoples of the world. Meditsinskiy sovet – Medical Council.* 16. pp. 14–21. (In Russian). DOI: 10.21518/2079-701X-2016-16-14-21
- Russia. (1830) *Vysochayshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo soveta – o vremeni ispolneniya prigovorov Sudebnykh mest otositel'no nakazaniya zhenshchin, pitayushchikh grud'yu mladentsev* [The highest approved opinion of the State Council on execution of sentences regarding women breastfeeding infants]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Vol. 39. № 29.773. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Chancery. p. 68.

20. Russia. (1831) Senatskiy ukaz o nakazanii beremennykh zhenshchin ne prezhde kak po razreshenii ot bremeni i minovanii sroka polozhennogo na vospitanie grud'yu mladentsa [The Senate decree on the punishment of pregnant women not earlier than delivery and bypassing the period laid down for baby breastfeeding]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Vol. 5. 1830. № 3535. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Chancery. pp. 215–216.
21. Russia. (1838) Vysochayshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo soveta. O prestupnitsakh, ssylaemykh v Sibir', koi okazhutsya beremennymi ili imeyushchimi grudnykh mladentsev [The highest approved opinion of the Council of State. On female criminals exiled to Siberia when pregnant or having infants]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Vol. 12. 1837. № 10831. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Chancery. pp. 1038–1039.
22. Russia. (1854) Vysochayshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo soveta. O ssylke, po vole pomeshchikov, v Sibir' zhenshchin beremennykh ili s grudnymi mladentsami [The highest approved opinion of the Council of State. On exile to Siberia of pregnant women or women with infants by the will of landowners]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Vol. 28. 1853. № 27602. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Chancery. pp. 477–478.
23. Russia. (n.d.) *Svod uchrezhdeniy i ustavov o sodержashchikhsya pod strazhey (izdanie 1890 g.), Ustav o ssyl'nykh (izdanie 1909 g.)* [The Code of Institutions and Charters on Detention (1890), Charter on Exiles (1909)]. [Online] Available from: <http://www.rus-sky.com/history/library/vol.14/vol.14.4.htm>.
24. Russia. (1909) *Ustav o ssyl'nykh (izdanie 1909 g.)* [Charter on Exiles (1909)]. [Online] Available from: <http://www.rus-sky.com/history/library/vol.14/vol.14.4.htm>.
25. Russia. (1867) Ustav ugolovnogo sudoproizvodstva 1864 goda [The charter of criminal proceedings of 1864]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Vol. 39. 1864. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Chancery. pp. 215–306.
26. Russia. (1846) Ulozhenie o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh 1845 goda [The Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Vol. 20. 1845. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Chancery. pp. 598–1010.
27. Russia. (1916a) Ulozhenie o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh 1885 goda [The Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885]. In: *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. 15. Petrograd: [s.n.]. pp. 1–458.
28. Russia. (1916b) Ugolovnoe ulozhenie (stat'i, vvedennyye v deystvie) [Criminal Code (articles put into effect)]. In: *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. 15. Petrograd: [s.n.]. pp. 459–517.